

О чем пьют ветеринары. Нескучные рассказы о людях, животных и сложной профессии

Автор:

[Алексей Калиновский](#)

О чем пьют ветеринары. Нескучные рассказы о людях, животных и сложной профессии

Алексей Анатольевич Калиновский

Супервет. Невероятные истории о животных и их спасителях

О чем рассказал бы вам ветеринарный врач, если бы вы оказались с ним в неформальной обстановке за рюмочкой крепкого не чая? Если вы восхищаетесь необыкновенными рассказами и вкусным ироничным слогом Джеральда Даррелла, обожаете невыдуманные истории из жизни людей и животных, хотите заглянуть за кулисы одной из самых непростых и важных профессий – ветеринарного врача, – эта книга точно для вас!

Веселые и грустные рассказы Алексея Анатольевича Калиновского о людях, с которыми ему довелось встречаться в жизни, о животных, которых ему посчастливилось лечить, и о невероятных ситуациях, которые случались в его ветеринарной практике, захватывают с первых строк и погружают в атмосферу доверительной беседы со старым другом!

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Алексей Калиновский

О чем пьют ветеринары: нескучные рассказы о людях, животных и сложной профессии

© Калиновский А.А., текст, 2021

© Соловьева В.А., иллюстрации, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

Открыв эту книгу, я погрузился в удивительную атмосферу 1990-х годов. Это было замечательное время, когда мы были молоды, когда нам казалось, что мы создаем ветеринарию будущего. Да не казалось нам! Мы ее действительно создавали! Мы набивали шишки, но шли вперед. С автором книги мы познакомились на следующий день после того, как я увидел по телевизору именно тот последний кадр из фильма про театр зверей «Артемон», о котором он пишет в одном из рассказов, и с тех пор мы с Алексеем Анатольевичем – близкие друзья. Автор когда-то давно окунулся с головой в ветеринарию и прошел весь путь от санитаря отдела ветеринарной помощи на дому до владельца собственной клиники, руководителя большой экспериментально-биологической клиники и научного сотрудника онкологического центра одного из ведущих университетов Канады. Его опыт сделал рассказы живыми, непридуманными. Они увлекают, будь то веселые или грустные истории. Сейчас, когда оборудование ветеринарных клиник не хуже, чем медицинских, когда есть возможность слушать лекции ведущих специалистов и повышать свой профессиональный уровень в ведущих мировых ветеринарных школах, будет очень интересно обернуться и посмотреть назад. Я всем советую прочитать эту книгу и получить заряд хорошего настроения.

Сергей Середа,

заслуженный ветеринарный врач Российской Федерации

Глава первая, она ЖЕ последняя осмысленная

Я вообще никогда не думал ничего писать. Когда в компании мне приходилось рассказывать случаи из своей практики или охоты и кто-нибудь предлагал мне создать шедевр, я сразу вспоминал, как в 1990-е повсюду у метро стояли странные персонажи, которые на свои деньги издавали написанные ими поэмы и мемуары. Графоманов стало какое-то немыслимое количество, так что мне не хотелось пополнить ряды потенциальных жителей домов престарелых, которые специализируются на постояльцах, страдающих деменцией.

С огромным удовольствием я с детства читал о животных. Книги Гржимека, Даррелла были у меня настольными, ну а когда вышел на русском языке сборник рассказов Хэрриота «О всех созданиях – больших и малых», я уже учился в Ветеринарной академии и работал в отделе ветпомощи на дому. Эта книга стала моей библией. Да и до сих пор я открываю ее на любой странице и читаю не отрываясь. Но чтобы самому что-то написать... Нет уж, увольте.

У меня всегда была, есть и будет твердая убежденность, что каждый должен заниматься тем, что он умеет. Именно поэтому я многим молодым врачам советовал уйти из ветеринарии, пока не наделали вреда.

Как-то сентябрьским вечером 2019 года мы с главным редактором журнала «PetСовет» Галиной Владимировной Богдановой занимались нашим любимым делом – алкогольно-дистанционными посиделками. До сих пор это выглядит так: она сидит у себя дома с бокалом хорошего вина, а я у себя – с виски, между нами – телефон, и разговор течет сам собой. Бокалы пополняются, темы становятся все умнее и умнее, слова – все более сложнопроизносимыми. В тот раз темой нашей читательской конференции были картинки из только вышедшей книги С. В. Середы «Середа обитания: ветеринария и не только». Книгу мы еще прочитать не успели, но фотографии навеяли на меня сладостные воспоминания о 1990-х, и мои глаза благодаря булькающему во мне виски начали ронять скупые мужские слезы.

– Калиновский, вот чего ты тут сопли пускаешь? То так, сё не так. Возьми и сам напиши. Вот Середа же написал.

– Я? – Я чуть не поперхнулся очередным глотком.

– Да, ты! Слабо?

– Мне? Да запросто! Но только под твою ответственность. А про что писать?

– Да про что хочешь. У меня есть место в ближайшем номере, ты пишешь, а я размещаю. Много не надо, так, рассказ на пару-тройку страниц.

На следующий день я как раз работал. Телефон молчал, поэтому служебный компьютер был в моем распоряжении, я между делом что-то накропал, отправил дорогому главному редактору и стал ждать. Результат превзошел все ожидания. Телефон зазвонил минут через пятнадцать.

– Ну как? – спросил я очень скромным, совсем не свойственным мне голосом.

В трубке раздавался бодрый залиvistый хохот, причем собеседник на том конце провода никак не мог вздохнуть от смеха:

– Ставлю без единого исправления. Продолжай дальше!

На пару дней я затих, но потом назначил очередной вечер телефонно-интеллектуального пьянства.

– Так о чем писать?

– Пиши обо всем. Пиши рассказы, у тебя получается. Пиши о ветеринарии, о людях, о собаках, да просто случаи из жизни.

– А потом что со всем этим делать?

– А потом дело мое.

На этом мы и расстались. Я улетел на две недели в свою любимую Канаду отдохнуть и попутешествовать. Через неделю после возвращения редакция потребовала от меня свежее фото в номер. Хорошо, я навесил «Собачий фонтан» в Торонто, поэтому дал свое фото, где я в образе пенсионера, присевшего погладить бультерьера у фонтана по дороге с рынка Святого Лаврентия. Бультерьер же плюется в меня струей воды. Рассказ вышел, и никто не кинул в меня камень.

Так я и начал писать о том, что мне неожиданно вспоминалось. А вспоминалось мне о профессии, об учебе, о людях, о моих учителях и о великих собаках. Побухтел я немного о ветеринарии, о любви к животным и о гуманизме, настоящем и не очень. И пусть мои мысли не всегда совпадают с мыслями большинства – я никогда к этому и не стремился. Так что...

...все остальное —

вспышки памяти.

Не можешь стричь... не мучай кошку

Появление на пороге клиники мужчины с кошкой на руках нас никак не удивило, но насторожило. Было часов одиннадцать вечера, когда рутинный дневной прием уже закончился и началось время экстренных случаев. Все бы ничего, но наше внимание привлек наряд мужчины. На нем были когда-то белая футболка, тренировочные штаны с пузырями на коленках и пляжные шлепанцы на босу ногу. На улице март, ночью где-то минус двенадцать, так что шлепанцы смотрелись точно не по сезону. Плюс ко всему и он, и кошка были в крови. Следом за мужчиной вошла его жена, но уже в шубе.

- Вот решили мы тут колтун самостоятельно состричь.

На левом боку у кошки виднелась приличная резаная рана.

Надо сказать, что механизм действия в экстренных случаях отлажен до автоматизма. Пока врач осматривает животное и делает положенные записи, ассистент, получив указания врача, готовит все необходимое. Хороший ассистент часто лучше врача знает, что надо делать.

Уже все было готово, чтобы шить рану. Мы подошли к самому деликатному моменту – наркозу. Надо сказать, что наркоз – дело тонкое и тема не одной докторской диссертации. Даже не столько сам наркоз, сколько отношение к нему обывателей.

Почему-то многие владельцы животных, почтаив интернет, послушав «бывалых» на прогулке и проконсультировавшись с бабками во дворе, считают наркоз чуть ли не «карой божьей», а врачей – по меньшей мере убийцами.

Они просто уверены, что врач так и норовит превысить необходимую дозу вводимых препаратов, чтобы убить их собаку или кошку. Особо активные направо и налево раздают советы, а если дело касается их животного, то начинают сыпать терминами, давать рекомендации врачу по поводу применения

того или иного препарата, указывать на схемы введения, а также обязательно просят «сделать дозу поменьше». Я в таких случаях делаю вид, что внимательно слушаю, голова моя сама качается в такт указаниям, а я считаю до тысячи. Как правило, удается расслабиться.

В этот раз я прикинул, что на всю манипуляцию потребуется минут семь от силы, поэтому решил сделать седацию и местную анестезию. Кошка пришла бы в себя достаточно быстро. Но ситуация повернулась тыльной стороной.

– А можно вообще без наркоза, под местной анестезией? – спросила хозяйка. – Ей же восемнадцать лет.

Вот это да! Была бы собака, я бы даже не задумывался с самого начала. С собакой всегда можно договориться, но с кошкой... Кошка – животное дикое, это не она живет с нами, а мы с ней – с ее позволения. Кошку зафиксировать не всегда удастся. Кроме того, у нее помимо тридцати острых как иглы зубов еще есть двадцать когтей, которыми она пользуется виртуозно. А тут такое дело. Все это я подробно объяснил хозяевам, сказав, что под местной анестезией я буду шить только под их ответственность, да и фиксировать кошку они будут сами. Они со всем согласились.

Теперь надо было стратегически правильно расположить наши силы. Я, с видом Кутузова под Бородино, поставил хозяина на левый фланг и показал ему, как надо одной рукой удерживать голову, а другой – передние лапы, при этом оттягивая их вперед. Хозяйка, соответственно, заняла правый фланг. Ей были доверены задние лапы и хвост. Сам я встал посередине. Ассистент Лена стояла на инструментах, а Вовчик, наш охранник, всех страховал.

– Главное, – сказал я, – не отпускать кошку без моей команды, что бы ни случилось. Иначе штопать будут уже нас!

Все, включая кошку, пришли в полную боевую готовность. Лена передала мне шприц.

– Внимание! – скомандовал я.

И аккуратно в тот момент, когда я ввел иглу по месту и чуть нажал на плунжер, хозяин, со словами «потерпи, дорогая», поцеловал кошку в нос. Вся хитрость

заключается в том, что самым болезненным является именно момент введения анестетика, поэтому, ощутив в первую секунду боль, кошка с диким воплем вцепилась зубами в нос хозяина.

Я тоже дико заорал:

- Держать!

Картина была достойная: кошка держит нос в зубах, хозяин стоит согнувшись, и у него с носа и из носа течет кровь, я делаю анестезию, и мы все трое орем. К счастью, остальные участники массовки не присоединились к нашему многоголосью. Я думаю, что если бы не поздний час, то на Рублевке напротив клиники обязательно образовалась бы пробка, так далеко нас было слышно.

В такой ситуации я обогнал швейную машинку «Зингер» по скорости шитья. Буквально через три минуты я сказал:

- Всё, отпускаем.

Кошка это приняла на свой счет и первой отпустила нос. Хозяева отпустили кошку одновременно, и тут дама рухнула в обморок. К счастью, позади нее стоял Вовчик, который успел подхватить ее на руки, вынести из кабинета и посадить на диванчик в коридоре. Градус безумия ситуации повысился. Теперь Лена останавливала кровь хозяину, а я приводил в чувство хозяйку. Вовчик гладил кошку, а она спокойно взирала на все происходящее.

В конце концов кровь была остановлена, хозяйка пришла в себя, они расплатились и втроем отправились домой. Мы дружно выдохнули и расслабились. Но наше спокойствие продолжалось недолго. Через пять минут дверь открылась, и вся троица опять появилась на пороге.

- Что теперь? - спросили мы хором.

Хозяин помялся несколько секунд и начал:

- Понимаете, я жене заказал в Германии новую машину, и вчера нам ее привезли.

- Ага, и вы хотите нас на ней прокатить за то, что мы вас троих спасли?

- Почти. Сегодня, когда все случилось, я впопыхах схватил с тумбочки первые попавшиеся ключи. В гараже мы сели в ту машину, которая открылась от пульта в руках. Мы приехали сюда, я нажал на пульте какую-то кнопку, и машина закрылась. Сейчас мы вышли и поняли, что это та самая новая машина. Судя по всему, я нажал не на ту кнопку, и машина полностью заблокировалась и ни на что не реагирует. Я не знаю, что делать.

- Так вот вам телефон, позвоните в сервис, и вам скажут, что делать.

- Телефон сервиса остался дома.

- Так вызовите такси и поезжайте домой.

- Дело в том, что ключи от дома и пульт снятия его с охраны в машине. Там же и мобильник.

Мозг начинал медленно закипать.

- А что еще у вас случилось? Рассказывайте сразу, не томите.

- А еще я так припарковался, что заехал передним бампером на наст, и теперь не могу стронуться с места, не оторвав бампера.

Пока хозяин все это рассказывал, он вслух прикидывал цены на все манипуляции, которые ему предстояли, а Вовчик на калькуляторе суммировал, на сколько же мужик попал. Энтузиазм рассказчика угасал с каждым новым нулем. К концу повествования высветилось шестизначное число, только не сто тысяч, а гораздо ближе к семизначному.

Я уж и не знаю, хорошо это или плохо, но, когда хозяйка падала в обморок, она благодаря Вовчику не успела удариться головой, и потому смогла вспомнить телефон их горничной, которая жила неподалеку и имела и ключи от дома, и пульт снятия его с охраны. Минут через десять горничная приехала.

После того как клиника опустела, наступила секундная тишина. И тут мне на глаза попался калькулятор с окончательной суммой.

- Ни хрена себе подстригли колтунчик, - невольно вырвалось у меня.

По дороге в Монреаль...

Я сидел в аэропорту Франкфурта-на-Майне, ел вкуснейший брецель и запивал его замечательным немецким пивом. Ну привычка у меня такая: когда я в Германии, обязательно ем брецели и пью пиво.

Настроение улучшалось с каждым глотком. Я лечу в Монреаль. Позади три с половиной часа перелета из Москвы, проведенные во сне, однажды прерванном ради плотного завтрака стюардессой пунктуальной «Люфтганзы». Впереди еще шесть часов, и я приземлюсь в своем любимом городе – Монреале. Последние годы я перестал любить Москву. Это больше не моя Москва, в которой я родился и вырос, это чужой город. Москва стала похожа на шестнадцатилетнюю деревенскую модницу, которой дали много денег и запустили в супердорогой магазин, разрешив покупать все, что она считает красивым и модным, но она предпочла дешевый вещевой рынок. Результат под стать тем, кто этой «красотой» восхищается. А вот Монреаль... Он стал родным. Через шесть часов я прилечу в декабрьский мороз, в абсолютно белый от снега, залитый солнцем Монреаль, над которым почти всегда голубое небо.

Монреаль – это Париж Северной Америки, он прекрасен в любое время года.

После долгой морозной и снежной зимы вдруг наступает короткая, буквально на две-три недели, весна. Буйство красок и пьянящих ароматов. Цветет и благоухает даже метла, забытая на участке. Яблони, груши, сливы, магнолии, китайская яблоня, еще какое-то дерево, усыпанное желтыми цветами, название которого я так и не могу запомнить. Масса разных весенних цветов, сирень и зеленая трава. Чума! Третьи выходные мая – дни массовых посадок всего того, что только хочется посадить. До этого времени может выпасть снег.

Весна моментально превращается в лето. Лето жаркое и влажное. Но дышится легко: очень много в городе зелени, да и воздух чистый. Из двух вечных московских вопросов – откуда берется пыль и куда деваются деньги – первый здесь отпадает сам собой. Ну нет в Монреале пыли.

Народ распаковывает «барбекюшницы», кто у себя на участках, кто на балконах. Запах жареного мяса не покрывает удушливым смогом все вокруг, а становится легкой частью летней жизни города, как и хорошее вино на открытых террасах кафе. А в сентябре наступает длинная и теплая осень – «индейское лето», так тут называют это время. Монреальцы у себя во дворах еще купаются в бассейнах, ходят в шортах и легких платьях. Залезешь в такую погоду на Мон-Руаяль, который, как пупочная грыжа, возвышается над всем островом Монреаль, и наслаждаешься видом города, смотришь, как течет река Святого Лаврентия, а под ногами на склонах Мон-Руаяля и в городе буйство красок осенней листвы. Описать это просто невозможно, слов не хватит. Осень в Монреале нужно видеть самому. Каждый раз мне кажется, что психиатр по мне точно плачет, потому что даже в горячечном бреде невозможно представить эту красоту.

И ко всему этому добавляется французская речь, которая полностью диссонирует с представлением о Северной Америке. Вот туда-то я и лечу.

...Первая вспышка памяти

Мысли приходят в голову быстро, гораздо быстрее, чем летит свет. Мысль, посетившая меня, просто озарила мое полусонное сознание. Она не блистала новизной, но ее сверкание было под стать блеску хирургических инструментов перед началом операции.

- А не выпить ли мне чего покрепче?

Мысль оказалась своевременной, тем более что она не нарушала «Правил правильного питья», в которых головной болью и тяжелым похмельем многих поколений написано, что градус можно, а подчас и нужно только повышать. Поэтому, заказав еще сто пятьдесят виски, я вальяжно откинулся на диван.

Без тоста пить нельзя. Даже с утра пьешь за собственное здоровье, а тут... Я пожалел, что у меня нет отрывного календаря. Там всегда можно найти повод.

«Кстати, - меня неожиданно пронзила вспышка памяти, как в рассказе Жванецкого, - сегодня же первое декабря. Аккурат в этот день в уже далеком 1989 году мы с друзьями открыли первую в Москве частную ветеринарную клинику».

Итак, тост был готов.

«За мир, за дружбу, за ветеринарную службу!» - так начинал каждое наше застолье один из нас, доктор Бычков, который окончил военно-ветеринарный факультет нашей родной Московской ветеринарной академии. Причем делал он это всегда лихо, подняв правый локоть на уровень воображаемого погона. У меня, конечно, так залихватски не получалось, да и народ в аэропорту неправильно бы меня понял, но заветные слова я сказал и сделал добрый глоток.

Виски разливался по организму, и начались воспоминания. Нас было четверо друзей: Владимир Иванович Бычков, Александр Юрьевич Саломатников, Дмитрий Игоревич Коропов и я. С Димкой мы были одноклассниками, а вот с Вовкой и

Юрьичем мы познакомились на Мосгорветстанции, где Бычков руководил отделом ветпомощи на дому, а Юрьич работал главным ветеринарным врачом станции. Димка с Вовкой были потомственными ветеринарными врачами, а мы с Сашкой пришли в ветеринарию, как тогда писалось в звонких комсомольских реляциях, по зову сердца.

Доктор Бычков попал на станцию после того, как комиссовался из армии. Однажды он осознал, что служба в рядах родной краснознаменной и легендарной пагубно влияет на его печень, и сразу же нашел у себя какую-то неизлечимую болезнь. Надо сказать, что печени стало легче, но ненамного.

Доктора Саломатникова жизнь занесла на станцию после работы главным ветеринарным врачом совхоза в Карелии. Дело в том, что Сашка женился, еще учась в академии, и у них с Татьяной родился сын. Юрьич правильно рассчитал, что на пятом курсе у них должен появиться второй ребенок и тогда он не пойдет в армию после окончания вуза. Но, судя по всему, он перестарался, и у них родилась двойня. Вот после этого он и уехал на три года в Карелию.

Мы же с Димкой попали просто с корабля на бал. Еще учась в академии – на работу в самое крутое тогда ветеринарное место Москвы. Словом, жизнь удалась у всех нас.

На Юннатов, так тогда коротко называли Мосгорветстанцию, было непаханое поле деятельности. Не зная ничего, мы брались за все. Читали медицинские книги, пытали знакомых медиков глупыми, с их точки зрения, вопросами, но потихоньку накапливали знания. К сожалению, «все имеет свой конец, свое начало».

Я сделал еще один глоток.

После окончания академии в 1987 году, отмазавшись от распределения в совхоз «40 лет без урожая»[1 - Название придумано автором.] Зарайского района Московской области, я попал на работу в тогда еще научно-исследовательский институт проктологии на «беременную» ставку заведующего экспериментально-биологической клиникой.

Сейчас я вспоминаю когнитивный диссонанс, возникший у меня в голове, когда я первый раз пришел в клинику, которой мне предстояло руководить.

Такого мне не могло присниться даже в самом смелом сне. Это была современная, только что отремонтированная хирургическая клиника, готовая к проведению самых сложных операций. Стационар с удобными клетками, войдя в которые можно было работать с собаками. Отдельные помещения для больших и мелких грызунов. А операционный блок! Да, именно блок, а не замызганный кабинет, в котором велся прием и тут же делались операции. О таком я даже не читал, не говоря уж о том, чтобы нам рассказывали в академии.

Предоперационная, где животное подготавливалось, а врачи намывались[2 - Намыться на операцию – по правилам помыть руки перед ней. Размыться – помыть руки после операции.] и одевались на операции, операционная с двумя столами, прибором для электрокоагуляции, аппаратом искусственной вентиляции легких, аппаратом для ингаляционного наркоза, подводкой кислорода, аппаратом УЗИ, эндоскопом, который при необходимости приносили сверху из института, рентгеном. Инструментов было столько, что я просто не знал девяносто процентов их названий и предназначения. Инструменты, как и операционная одежда, после операций относились в стерилизационную институту и возвращались запаянными в пакеты, полностью готовыми к очередному использованию. И самое главное, мечта многих ветеринаров того времени – зеленые операционные пижамы. Вход в операционную разрешался только в масках. Институтская лаборатория круглосуточно делала все необходимые анализы. И еще, что немаловажно, у меня был собственный вход с улицы. Словом, это был сон. И все это простиравало, потому что деньги на науку закончились.

Это сейчас есть множество клиник, которые гораздо лучше по оснащению, а тогда таких было только две: одна, которой руководил я, а другая располагалась в Онкологическом центре на Каширке, и ею руководил мой хороший приятель Владимир Никифорович Митин.

Мои друзья вскоре уволились с Мосгорветстанции и занялись частной практикой. Это все было здорово, но наши пытливые умы не могли работать в режиме обывателей. Однажды Владимир Иванович, лихо закинув локоть и произнеся традиционный тост, открыл наше очередное собрание. По мере опустошения бутылки и перспективы появления на столе второй повестка вечера плавно

сместилась в сторону вечного русского вопроса «Что делать?». Вернее, «Что будем делать?». Все вокруг, вплоть до туалетов, фонтанировало кооперативами, а мы вот так сидим.

В те времена каждому кооперативу был необходим гарант. Как я понимаю, это какая-то контора, которая давала гарантию, что ты не полный идиот, и подставляла свою задницу, если ты таковым оказывался. Контора должна быть профильной, и мы понимали, что даже в голодный год за мешок лука Мосгорветотдел не станет с нами сотрудничать. Решение пришло само собой. А что, если нам «упасть» под Росохотрыболовсоюз? Там за эту идею сразу уцепились. Охотники знают толк в собаках и дорожат ими. Поэтому им выгодно иметь свою ветеринарную клинику, которой они могут доверять. Тем более что на ветеринарную службу им не требовалось получать никакого разрешения, в некоторых охотхозяйствах и региональных охотничьих союзах уже были свои ветврачи. Я думаю, что ни одному человеку в голову не могло прийти, что так просто можно было начать заниматься в Москве лечением собак и кошек, не подчиняясь никому.

Следующий вопрос, который надо было решить, – это помещение. Клиника же должна где-то существовать. Начались лихорадочные поиски. Причем мы не знали, что мы ищем и что нам надо. Хотя как раз знали и понимали. Понимали, что это несбыточная мечта, так как нормы того времени были очень строгие и об открытии клиники в помещении, специально не приспособленном для работы с животными, не могло быть и речи.

Как-то, сидя на работе и не зная, чем заняться, я представил себе, как наша клиника работает в подведомственном мне помещении и как мы просто переворачиваем всю московскую ветеринарию. У нас стоят очереди, к нам едут со всей Москвы. Ну, такие ветеринарные Нью-Васюки. Вот с таким недодуманным проектом я и пошел к директору института, профессору Геннадию Ивановичу Воробьеву. Битый час я излагал ему свою идею использования простаивающего помещения и оборудования под ветеринарную клинику и материальную выгоду института. Геннадий Иванович меня внимательно выслушал, поднял трубку телефона.

– Юрий Иванович, зайдите ко мне прямо сейчас.

Через две минуты в кабинет зашел Юрий Иванович Дмитриенко – заместитель Геннадия Ивановича по АХЧ, человек, который впоследствии всегда был на

нашей стороне.

– Вот у Алексея Анатольевича есть идея. Выслушайте его и скажите мне свое мнение.

Я еще раз повторил свой фантастический рассказ. Мы сидели с Юрием Ивановичем несколько часов у него в кабинете и просчитывали варианты. Надо было соблюсти интересы всех участников сделки. Дело упрощалось тем, что Юрий Иванович и председатель Росохотрыболовсоюза оказались хорошими приятелями. Через пару дней Юрий Иванович позвонил мне и сказал, чтобы мы готовили документы для подписания договора аренды помещения и оборудования.

Первого декабря 1989 года клиника наконец открылась. В первый день зашли несколько местных собачников, просто поинтересоваться, что это за чудо чудное. Через неделю по коридору уже было невозможно пройти, к нам действительно поехали со всей Москвы.

Вот так и появилась на свет новая ветеринарная клиника, которую мы умудрились воткнуть между Росохотрыболовсоюзом и НИИ проктологии, обойдя все ветеринарные инстанции. Мы понимали, что ни бандиты, ни фискальные органы к нам не сунутся, потому что перспектива получить с одной стороны заряд соли, а с другой – ведерную клизму, и все в одно и то же место, не привлекала никого.

* * *

Я еще раз отхлебнул. Виски закончился. В этот момент объявили посадку на мой рейс. Я пошел по «рукаву», надеясь на то, что мне не надо будет «ждать сведений со стороны» и вспышки памяти еще не раз посетят меня.

Мартын и Булаврик

Я нежился на утреннем солнышке, развалясь на сиденье автобуса по дороге на работу, когда в кармане зазвонил телефон. На экране светилось: «Клиника».

- Ну что еще надо? Я буду через десять минут.

- Алексей Анатольевич, - в трубке раздался голос нашего охранника Димы, - мы вас тут все ждем, у нас заворот.

- А чего меня ждать, там же Светлана Сергеевна?

- Приезжайте быстрее, без вас тут ничего не получается.

От традиционного утреннего похода в магазин сразу пришлось отказаться. Я подошел к водителю и попросил его остановиться у клиники, благо утром в выходной день Рублевка была пустая.

Когда я вошел в клинику, то сразу увидел большого швейцарского зенненхунда, лежащего на полу без какого-либо интереса к происходящему вокруг него. Его живот по размерам напоминал дирижабль перед вылетом. Перед ним стояла Светлана Сергеевна с внутривенным катетером в руке, готовая броситься в бой по первому приказу.

- И чего ждем? - спросил я.

- А ждем мы клизмы и вазелинового масла, - со злостью выпалила доктор.

- Давно ждем?

- Да вот уже часа два.

Тут я оторвал свой взгляд от собаки. Рядом с ним сидели «двое из ларца, одинаковы с лица». Это точно были не владельцы, а работники, которые отвечали за собаку. Они никак не идентифицировались, это был некий коллективный разум.

- О чем думаем? Оперировать срочно надо. Или ждем, пока собака умрет?

– Вот и я им о том же уже два часа талдычу, а они все про масло и клизму! – Светлана Сергеевна и так женщина горячая, а тут она кипела как чайник и готова была взорваться.

– Мы не имеем права принимать решения. Только хозяин может разрешить, – вдруг изрек «один из ларца».

– Ну так звони хозяину.

– Он за границей.

– Звони хозяйке.

– Она спит.

Надо сказать, что на часах было восемь утра.

– Буди.

– Я телефона не знаю.

– А кто знает?

– Горничная.

– Звони горничной, пусть будит.

Уже я начал напоминать закипающий чайник.

Минут пятнадцать «лицо» что-то бубнило в трубку. Было видно, что никто не решался нарушить утренний сон хозяйки. Наконец свершилось!

– Вас к телефону, – и он передал мне трубку.

– Доброе утро! – Я представился и описал ситуацию.

- А когда надо будет делать операцию? - спросил меня сонный женский голос.

- Два часа назад, счет уже пошел на минуты.

- Тогда срочно начинайте, я сейчас буду, - голос резко проснулся.

Скорость, с какой начала работать Светлана Сергеевна, не снилась даже Усэйну Болту во время его рекордного забега на стометровку. Ассистент Туся, невзирая на свою врожденную медлительность, с такой же скоростью стала накрываться [З - Накрыться на операцию - перед операцией в определенном порядке разложить хирургические инструменты на инструментальном столе.] на операцию. Я предпочел отойти в сторону, дабы не попасться под их горячие руки. Кобелю сделали седацию и коллективными усилиями всех мужиков водрузили его на операционный стол. Килограммов в нем было никак не меньше шестидесяти. Работа продолжала кипеть. Устанавливалась эндотрахеальная трубка для ингаляционного наркоза, брались вены на передних конечностях, готовилось операционное поле.

- Алексей Анатольевич, хозяйка приехала, - позвал меня Дима.

Когда я вышел в коридор, то увидел интересную подтянутую, спортивную женщину. Весь ее вид говорил о том, что это никак не избалованная рублевская кумушка.

После взаимных приветствий сразу был задан основополагающий вопрос.

- А кто виноват? - спросила она и строго посмотрела на «двоих из ларца».

Я тоже посмотрел на них и чуть не засмеялся в голос. Их вид напомнил мне меня самого и двух моих друзей, когда мы втроем в детском саду стояли на ковре у директора. А было это так. Нас троих угораздило прийти в сад в тельняшках. И вот перед тихим часом, уже раздевшись, мы вдруг решили, что мы революционные матросы, и начали маршировать перед туалетом, не пуская туда девчонок. Так строевым шагом под команды воспитательницы мы и дошли до кабинета директора, где немедленно были списаны на берег.

Естественно, я объяснил, что заворот желудка – острая патология, требующая экстренного хирургического вмешательства, что врачи до сих пор не знают ее причины и что виновных в данной ситуации нет. Тут послышался вздох облегчения. Первая пуля пролетела мимо «двоих».

Я убедил хозяйку не ждать окончания, а ехать домой, заверив ее, что позволю ей при любом исходе операции.

– Эти двое вам нужны?

Я сказал, что нет, но чтобы оставили свои телефоны и были в пределах досягаемости, после чего намылся и пошел в операционную.

Операция прошла успешно. К счастью, мы успели вовремя. За разговорами в ходе операции я узнал, что кобеля зовут Мартын.

Не буду описывать, как мы с Димой вдвоем снимали Мартына со стола. Поместили его в отдельную «палату». В клетку он просто не влезал по причине своего размера, как мы ни старались его туда впихнуть.

Клиника зажила своей обычной жизнью: кошки, собаки, прививки, мелкие операции – словом, рутина. Между делом с Мартыном проводились необходимые манипуляции. Он пришел в себя и спокойно лежал, разрешая делать с собой все, что мы считали нужным. Я уже даже и не думал об этом, так как послеоперационный уход всегда лежал на ассистентах, благо все они имели высшее образование и, выйдя из академии, пытались привести свое постакадемическое полное незнание ничего в соответствие с действительностью.

Вдруг из кабинета, где лежал Мартын, раздался страшный крик Туси. Мы с Димой бросились туда. Неужто покусал?

Туся прижалась к стенке, а роста, надо сказать, она невысокого, Мартын стоял перед ней, их глаза были на одном уровне, и он пытался лизнуть Тусю в лицо

Все бы ничего, только взгляд у него был такой, что он мог пригвоздить им к месту любого. Ну родился он с таким взглядом. А так он был сама доброта. Честно сказать, я бы на месте Туси тоже испугался. Тревога оказалась ложной.

В районе четырех часов дня в клинике опять появились «двое из ларца». Они посидели с Мартыном, спросили, нужна ли их помощь. Получив отрицательный ответ, они как-то слились с мебелью. Вроде они были в клинике, а вроде и нет. Вдруг среди них началась какая-то активность. Звонил телефон, они выходили из клиники и тоже звонили.

- Что это вы так засуетились?

- Самолет хозяина приземлился. Едет прямо сюда. Если что, закопает.

- А кто ваш хозяин, что вы так напрягаетесь? - Потому что фамилия мне ничего не сказала.

Когда я услышал кто он, то понял, что шансы быть закопанными у мужиков действительно были бы высоки, если бы они оказались виноваты.

Еще минут через сорок у них было объявлено общее построение, и они встали как солдаты перед началом парада - уже в шеренге, но еще по команде «вольно». Негромкие разговоры, курение в кулак. В какой-то момент оба вытянулись в струнку.

Мне стало интересно. По дороге, ведущей к клинике, мчался спортивный «мерседес» (да простят меня знатоки, если написал что-то не так, ибо знаю только, что у машины есть четыре колеса и руль), за ним машина охраны. Из-за руля «мерседеса» вышла хозяйка, а с пассажирского сиденья - высокий мужчина лет сорока пяти. Глядя на него, я понял, что летел он точно не «экономом» и даже не первым классом.

Хозяйка представила меня, и опять раздался вопрос:

– Кто виноват?

Я слово в слово повторил свой утренний спич. «Обитатели ларца» опять выдохнули: вторая пуля мимо.

– Ну ладно, – сказал хозяин, посмотрев на них, после чего я повел его к Мартыну. Увидев собаку, он встал перед кобелем на колени, начал его гладить и что-то шептать ему на ухо.

– А можно я буду приезжать каждый вечер навещать его?

– Конечно, даже гулять с ним можете, – ответил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Название придумано автором.

2

Намыться на операцию – по правилам помыть руки перед ней. Размыться – помыть руки после операции.

Накрыться на операцию – перед операцией в определенном порядке разложить хирургические инструменты на инструментальном столе.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kalinovskiy_aleksey/o-chem-p-yut-veterinary-neskuchnye-rasskazy-o-lyudyah-zhivotnyh-i-slozhnoy-professii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)